

Цуй Хао опешил. Лишь спустя некоторое время он смог выдавить:

— О чем вы вообще говорите?

— Разве это глупости? — Се Янь рассмеялся, и его лицо в этот миг выглядело на редкость красивым и живым. — Ну хорошо, давай поговорим о серьезных вещах. Позволь мне угадать, что именно он тебе наговорил.

Он поднялся с дивана и стал медленно, шаг за шагом, приближаться к Цуй Хао.

Сам не зная почему, Цуй Хао внезапно занервничал. Он хотел перебить Се Яня, но тот продолжал говорить тихим, вкрадчивым голосом:

— Сказал, что я вовсе не родной сын первой жены Се Ханьхая? Или что у меня есть два старших брата, но их здоровье подорвано, и они не могут унаследовать компанию? Или, может, что Се Ханьхай болен, но не хочет, чтобы его империя досталась чужакам, а потому у него просто не осталось выбора, кроме как назначить меня?

— Спросил, не кажется ли тебе это слишком подозрительным совпадением? Словно кто-то намеренно всё это подстроил? Ну и, конечно, он мог добавить кое-что еще. Например...

Се Янь подошел к журнальному столику, наклонился и заглянул Цуй Хао прямо в глаза:

— Например, сказал, что я болен. Психически болен.

В этот момент за окном гроыхнуло с новой силой. Вспышка молнии залила комнату белым светом, и в отсветах хрустальной люстры лицо Се Яня показалось мертвенно-бледным, почти призрачным.

Цуй Хао вздрогнул. Он покачал головой и с трудом пересохшими губами выговорил:

— Нет.

Се Янь ни на секунду ему не поверил. Уголки его губ медленно поползли вверх, а голос стал пугающе мягким:

— А ведь он прав. Он не соврал тебе, всё это чистая правда. И с братьями, и с отцом — это всё моих рук дело. Если бы с ними всё было в порядке, разве я смог бы так быстро занять это кресло?

Се Янь выпрямился:

— Поэтому мне, разумеется, пришлось сначала устранить их с доски. Только так я мог получить то, что хотел.

Цуй Хао застыл в оцепенении.

«Неужели это правда?» — пронеслось у него в голове. Если да, то зачем он во всем признается? А если нет, то к чему этот спектакль?

— Вы ведь лжете мне, верно? — Цуй Хао отказывался в это верить.

— Зачем мне лгать? — Се Янь усмехнулся. — Какая мне от этого выгода?

— А какая выгода говорить такое сейчас? — возразил Цуй Хао. — Если бы вы действительно всё это совершили, стали бы вы рассказывать мне? Не бойтесь, что я пойду в полицию или растреплю всем вокруг?

Се Янь издал тихий, искренне довольный смешок:

— Ну конечно же не боюсь. Ведь я болен. Как можно принимать всерьез бред сумасшедшего во время приступа? Вот прямо сейчас я скажу тебе, что хочу умереть и забрать их всех с собой в могилу — ты поверишь? Даже если ты поверишь, поверит ли кто-то еще?

Се Янь посмотрел на него с легкой жалостью в глазах:

— Никто не поверит. Мой психиатр подтвердит в суде, что я действительно болен, что я не контролирую свои слова и поступки, находясь в плену пограничного состояния. А значит, верить мне нельзя.

В этот миг Цуй Хао одновременно почувствовал и горькое прозрение, и липкий страх. Он наконец осознал: у Се Яня действительно есть ментальные проблемы. Вот только, в отличие от обычных людей, он своей болезни не стыдился и не боялся — напротив, он превратил её в изощренное оружие и средство защиты.

— И самое главное, — тихо добавил Се Янь, — я говорю это тебе только потому, что ты ничего не сможешь сделать. Слова останутся словами, и я абсолютно уверен, что ты не записываешь наш разговор. У тебя нет доказательств. Так что ты можешь изменить? Ничего. Всё останется как прежде.

Цуй Хао молчал, молча всматриваясь в его лицо.

— Тебе страшно? — спросил Се Янь. — Жалеешь, что поддался мимолетному порыву и пришел ко мне?

Парень по-прежнему не проронил ни слова. Он просто не знал, что сказать, и понимал, что любая фраза сейчас будет неуместной.

Снова раздался оглушительный раскат грома. Ливень, собиравшийся весь вечер, наконец хлынул сплошной стеной, барабаня по стеклам.

«Зачем он устраивает эту сцену? — думал Цуй Хао. — Для чего говорит мне всё это?»

— Что ж, раз уж за это время мы вполне неплохо ладили, я дам тебе шанс пойти на попятную, — Се Янь пристально посмотрел ему в глаза, и его тон стал безразличным. — Ты можешь сделать выбор заново: остаться или уйти.

— Я обещал быть с вами год, — негромко напомнил Цуй Хао.

Се Янь презрительно фыркнул:

— Ты согласился ради денег. Верни деньги, и наш уговор аннулируется сам собой.

— Если бы у меня были такие деньги, я бы изначально к вам не пришел.

— Это было раньше, — Се Янь подошел ближе и сел рядом с ним на диван.

Он подпер голову рукой и заговорил тоном заботливого советчика:

— Тогда ты еще не знал, что Цинь Энь куда богаче, чем кажется. Теперь ты в курсе. Ты вполне можешь пойти к нему и попросить в долг. Уверен, он с радостью одолжит тебе пять миллионов.

— Но я не смогу их вернуть, — отрезал Цуй Хао.

Если бы в будущем ему повезло закрепиться в шоу-бизнесе, он бы без труда отдал этот долг Цинь Эню. Но если не получится? Чем тогда отдавать? Янь Цуй сейчас восстанавливается после операции, деньги нужны постоянно, и никто не знает, сколько еще потребуется. Он просто не имеет права уходить от Се Яня.

— Всё очень просто, — продолжал учить его Се Янь. — Будешь возвращать ему долг точно так же, как возвращаешь мне. Он твой старшекурсник, быть с ним для тебя в любом случае лучше, чем со мной.

Цуй Хао оцепенел. Он не ожидал услышать от Се Яня подобные слова. Словно тому было абсолютно всё равно, кто займет его место — как будто Цуй Хао был безликой вещью.

Память мгновенно унесла его назад, в тот вечер на подземной парковке, и в ушах снова зазвучал голос Се Яня: «Семья Го Куо тоже весьма состоятельна. Если хочешь, можешь пойти к нему прямо сейчас, думаю, он тоже не пожалеет для тебя пяти миллионов».

Цуй Хао вдруг окончательно запутался: кем же он все-таки является в глазах этого человека? Обычной вещью? Или ветреным, распутным парнем? Раз Се Янь раз за разом позволяет себе говорить такие вещи, раз за разом подталкивая его в чужие руки.

Цуй Хао ничего не ответил. Он отвернулся к экрану ноутбука и принялся ожесточенно стучать по клавишам.

Заметив это, Се Янь спросил:

— Почему ты молчишь?

— Мне нечего сказать.

— Со мной тебе уже и поговорить не о чем?

Цуй Хао проигнорировал выпад, продолжая вбивать символы.

— Раз уж нам не о чем говорить, зачем тогда оставаться со мной? — в голосе Се Яня не пронеслось ни единой эмоции.

Цуй Хао промолчал.

— Не лучше ли...

— Господин Се, — прервал его Цуй Хао. Он не повернул головы, упрямо глядя в монитор. — Я пишу курсовую. Если у вас нет других дел, не могли бы вы дать мне закончить эту часть?

Се Янь замолчал. Он наблюдал за тем, как парень, не отрываясь, смотрит в экран, а его пальцы стремительно летают по клавиатуре. С такого ракурса Се Янь не видел текста, только бледный профиль Цуй Хао, на котором не отражалось ни единой эмоции.

Такое выражение лица было редким для него. Обычно Цуй Хао оставался теплым, солнечным, полным энергии и оптимизма. У него был потрясающий характер: несмотря на то, что он уже

окунулся во взрослую жизнь и работал в таком специфическом месте, как индустрия развлечений, в нем удивительным образом сохранялась юношеская чистота и живость.

А сейчас он сидел, замкнувшись в холодном молчании.

Он разозлился. Даже у самого покладистого человека есть предел терпения, что уж говорить о живом парне. Но почему он злится? Се Янь искренне не понимал. Что здесь обидного? Он ведь сам отпускает его, дает шанс начать все сначала, разве это плохо? Цинь Энь добрый, привлекательный, и пусть у него непростая семья, он любит Цуй Хао, а значит, будет заботиться о нем и оберегать. Что плохого в том, чтобы уйти к нему? Зачем продолжать цепляться за эти отношения? Зачем оставаться с таким невыносимым человеком, как он сам?

Се Янь отвернулся. За окном бушевала непогода; балконная дверь была приоткрыта и теперь с грохотом хлопала от порывов ветра. Он поднялся, вышел на балкон и плотно закрыл створку. Ветром занесло капли дождя — они блестели на полу и на расставленных там цветах. Те увядшие, пожелтевшие растения, которые Цуй Хао каким-то чудом ухитрился выводить, всё еще упрямо цеплялись за жизнь, покрываясь первыми зелеными ростками.

Се Янь молча смотрел на них, и внутри него, подобно дождевой воде, стала закипать глухая тревога. Ему нестерпимо захотелось курить. Он бросил взгляд на бушующую стихию за стеклом, затем обернулся на Цуй Хао, который по-прежнему беззвучно печатал, не глядя по сторонам.

Да что же его так задело? Неужели ему не нравится Цинь Энь? Тогда кто ему нужен? Не сам же Се Янь? Что за глупости.

Раздраженно открыв балконный шкафчик, Се Янь достал припрятанную пачку сигарет и закурил. Он потерял счет времени и не знал, сколько штук выкурил — одну за другой. В шуме дождя минуты словно застыли, растягиваясь до бесконечности. И когда Се Янь снова обернулся к Цуй Хао, всё еще сохранявшему маску безразличия, у него возникло странное ощущение, будто всё происходящее — лишь затянувшийся морок.

Он затушил сигарету и вышел в комнату.

— Когда ты собираешься навестить Янь Цуя? — его голос стал заметно мягче. — Я поеду с тобой.

Пальцы Цуй Хао на секунду замерли над клавиатурой. Он поднял глаза на Се Яня. Лицо мужчины оставалось беспристрастным, но в тоне сквозила едва уловимая нежность:

— В его палату пускают посетителей?

— Да, — ответил Цуй Хао.

Услышав, что парень наконец заговорил, Се Янь мысленно выдохнул.

— Хорошо, тогда предупреди меня перед уходом.

От этих слов Цуй Хао на миг показалось, будто он снова слышит: «Твоя сестра хочет со мной увидеться? Когда?»

Прошлое и настоящее на мгновение переплелись и снова разошлись. Каждый раз, когда Се Янь обижал его или заставлял чувствовать себя паршиво, он шел на уступки и соглашался на

то, чего раньше никогда бы не сделал, лишь бы сгладить углы между ними.

Из этого следовало только одно: Се Яню вовсе не плевать на его чувства и мысли. Но зачем тогда раз за разом доводить до этого?

Обида, комом стоявшая в горле Цуй Хао, наконец начала таять. Он решил принять этот шаг навстречу, но строго произнес:

— Господин Се, нельзя постоянно так делать. Сначала бить палкой, а потом кормить сладкой конфетой. Конфета, конечно, вкусная, но когда бьют палкой — это по-настоящему больно. Одно не компенсирует другое. Если я радуюсь вашим подаркам и уступкам, то точно так же я ранюсь о ваши жестокие слова. Нельзя просто помазать рану сладким сиропом и притвориться, что она больше не болит. Боль — это боль, а сладость — это сладость, понимаете?

Се Янь понимал. Прекрасно понимал.

— И что с того? — спросил он, глядя на юношу. — Ты хочешь уйти?

За окном с шумом струилась вода, оставляя на стеклах длинные, похожие на слезы дорожки.

Цуй Хао покачал головой и, глядя прямо на Се Яня, медленно произнес:

— Я не вещь, чтобы сегодня принадлежать вам, завтра — Го Куо, а послезавтра — старшекурснику. Я ни разу не говорил, что хочу уйти. Это вы постоянно пытаетесь вытолкнуть меня к кому-то другому. Как будто у меня нет собственных мыслей, нет гордости. Будто я легкомысленный, продажный, корыстный ветреник, готовый лечь под любого, кто заплатит.

— Я совсем не это имел в виду, — перебил его Се Янь.

Он просто... просто считал, что Цинь Энь намного лучше, чем он сам.

— Вне зависимости от того, что вы имели в виду, со стороны это выглядит именно так, — голос Цуй Хао звучал чисто и твердо. — Разумеется, я понимаю: раз я согласился быть с вами из-за денег, то в ваших глазах я изначально лишился права требовать уважения к своему достоинству. Но, господин Се, вы — мой личный выбор. И это вовсе не значит, что при тех же условиях я выбрал бы кого-то другого. Я выбрал вас, а не их. Право выбора принадлежало мне, а не вам, верно?

— Верно, — замороженно эхом отозвался Се Янь.

— Тогда вы можете уважать мой выбор? — спросил Цуй Хао. — Пожалуйста, не говорите мне больше ничего подобного. Не спрашивайте, хочу ли я уйти к тому или иному человеку. Мне это неприятно, и я никуда не уйду. От таких разговоров я чувствую себя рядом с вами невыносимо дешевым.

Снова громыхнуло, и комнату озарила вспышка молнии.

Се Яню показалось, будто этот удар грома пришелся прямо ему в сердце. Он неподвижно смотрел на Цуй Хао, в его чистые, но сейчас холодные глаза, а в ушах набатом стучала фраза: «Я выбрал вас, а не их».

Мужчина словно прирос к полу, не в силах пошевелиться. Он чувствовал боль, удушье, холод, но одновременно с этим — странное тепло и уколы совести. Те омертвевшие, давно застывшие

струны его души в этот миг будто раскололись под ударом молнии. Жизнь, замершая много лет назад, вновь запульсировала горячей кровью, заставляя сердце бешено колотиться в груди.

— Я понял, — тихо произнес Се Янь. — Больше я так не скажу.

Цуй Хао облегченно вздохнул:

— Вот и славно.

— Прости меня, — едва слышно добавил Се Янь.

Он терпеть не мог эти слова. В детстве ему приходилось извиняться слишком часто, поэтому, повзрослев, он поклялся себе больше никогда ни у кого не просить прощения. Прав он или виноват, кто бы ни стоял перед ним — табу. Но сейчас извинение сорвалось с его губ легко и совершенно неосознанно.

— Ничего страшного, — услышал он мягкий голос Цуй Хао. — Я прощаю вас.

«У него действительно золотой характер», — подумал Се Янь.

Видя, что конфликт исчерпан, Цуй Хао не стал усугублять ситуацию:

— Вы уже извинились, так что, если вам действительно неудобно или некогда, не нужно пересиливать себя и ехать со мной в больницу. Я вполне могу справиться сам.

Се Янь, выслушав его, невольно улыбнулся:

— Кто только что говорил мне, что палка — это палка, а конфета — это конфета, и они не взаимозаменяемы? — хмыкнул он. — Я, кажется, не говорил, что забираю конфету обратно.

— Оу, — тихонько протянул Цуй Хао, и на душе у него потеплело.

Стоило ему обрадоваться, как суровые линии его лица мгновенно разгладились, а в глазах заплясали искорки неподдельного счастья.

Се Янь, наблюдая за тем, как все эмоции парня буквально написаны у него на лице, мысленно улыбнулся: «Как же легко его, оказывается, успокоить».

Он подошел ближе, сел рядом с Цуй Хао и с редким для него участием спросил:

— Что за курсовая такая сложная, что ты мучаешься с ней столько времени? И днем в университете пишешь, и ночью дома. Дай-ка я посмотрю, может, помогу чем.

С этими словами Се Янь наклонился к экрану. Цуй Хао рванулся, чтобы захлопнуть ноутбук, но опоздал на долю секунды.

На странице Word плотными рядами красовался текст, набранный черным шрифтом SimSun пятого размера:

□именно так определить поехать в другие края очень низко привезти обратно извиниться то есть можно есть в кабинете мои большие данные да а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а реально реально здорово выдавать количество разработка если только это сепаратор база фундаментальное решение вытирать испускать□

Се Янь: «...???»

— И что это? — деликатно поинтересовался Се Янь.

Цуй Хао: «...»

Парень неловко и смущенно улыбнулся:

— Ну... просто хаотичный набор букв.

Он с легкой досадой покосился на сидящего рядом мужчину. И кто во всем виноват? Нечего было выводить его из себя! Разве в такой обстановке у него оставались силы писать что-то путное?! Вот и колотил по клавиатуре вслепую, вымещая злость.

Цуй Хао с громким щелчком захлопнул крышку ноутбука:

— Спать!

Бросив эту фразу, он резко встал и направился в ванную.

Се Янь тихо рассмеялся.

Цуй Хао резко обернулся и строго посмотрел на него.

Се Янь тут же напустил на себя серьезный вид и мгновенно убрал улыбку с лица:

— Да, спать, спать. Пора спать.

<http://bllate.org/book/17744/1694820>